

УДК 141.7

Абрамов Сергей Валериевич

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин,

Северо-Кавказский социальный институт

abramovserg26@mail.ru

Sergey V. Abramov

graduate student of department of social and humanitarian disciplines,

North Caucasian social institute

abramovserg26@mail.ru

Нормативное и предписанное в социокультурных ожиданиях россиян

Normative and prescribed in the socio-cultural expectations of Russians

***Аннотация.** В статье анализируется феномен социокультурных ожиданий россиян, выявляются нормативные и предписанные моменты в образах будущего, присутствующих в общественном сознании. Автор ставит своей целью обнаружение взаимосвязи между общественным менталитетом и коллективным целеполаганием.*

***Ключевые слова:** общественное сознание, коллективное целеполагание, образ будущего, современное общество, социокультурные ожидания, нормативное и предписанное.*

***Annotation.** The article analyzes the phenomenon of socio-cultural expectations of Russians, identifies normative and prescribed moments in the images of the future, present in the public consciousness. The author aims to discover the relationship between social mentality and collective goal-setting.*

***Keywords:** public consciousness, collective goal-setting, image of the future, modern society, sociocultural expectations, normative and prescribed.*

В первую очередь следует подчеркнуть синкретичность антиципативного конструкта в коллективном сознании сегодняшнего российского социума. Рациональный расчет здесь соседствует со смутными интуициями, мистический эсхатологизм с прогрессистскими моделями, телеологизм со спонтанностью, фатализм с убежденностью в том, что каждый есть «кузнец собственного счастья». Истоки этого синкретизма следует искать в сложных перипетиях российской истории, многонациональном составе российского этноса, каждый из которых привнес свои образы будущего, а также разнородностью ценностного корпуса и смысложизненных представлений.

Разумеется, следует сразу же отказаться от построения идеальной в своей завершенности антиципативной модели, которая исключала бы внутреннюю противоречивость и имела бы логически последовательный характер. Речь, на наш взгляд, должна идти исключительно об имманентных

чертах образа будущего, о его архетипическом измерении, сохраняющем в неизменности свои основные параметры на протяжении длительного исторического и культурного континуума. Цель, которую мы перед собой ставим в данной статье, правильно было бы назвать разработкой отечественной антиципативной парадигмы, создающей фундаментальные ориентиры для осуществления прикладной части нашего исследования. Полагаем, что для решения данной задачи целесообразно использовать предельно широкую источниковедческую базу, включающую не только собственно социологические разработки, но и социально-философские сочинения, соответствующие интуиции художественного творчества и т.п.

Одной из общепризнанных характеристик российского менталитета значительное число исследователей считает присутствие в нем таких смысловых установок, которые расположены впереди актуально существующей социальной эмпирии и выходят далеко за ее рамки. Данная особенность отечественного общественного сознания имеет весьма устойчивый характер, она присутствует в длительной исторической ретроспективе, трансформируется, и порой достаточно радикально, в соответствие с меняющимися реалиями, но при этом оставаясь неизменной в своих фундаментальных параметрах. Речь, в данном случае, идет о тех или иных разновидностях мессианства, представлениях относительно особенной вселенской роли России в будущей судьбе человечества в целом. Сошлемся при этом на мнение известного философа В. Шубарта, осуществившего компаративистский анализ менталитета европейских этносов. Национальной идеей россиян Шубарт называет спасение человечества. «Она уже более столетия действенно проявляется в русской истории – и тем сильнее, чем меньше осознается. Гибко вписывается она в меняющиеся политические формы и учения, не меняя своей сути» [7, 194].

Наблюдение В. Шубарта крайне важно для нас, поскольку оно указывает на необходимость учитывать при исследовании воздействия представлений о личном будущем на жизнедеятельность в настоящем, такого фактора как видение конкретным актором социетального контекста на планетарном уровне. Более того, к этому нас подталкивает и слабая дифференцированность коллективного сознания российского социума, «поскольку у русских мысль и дело, культура и политика стихийно ищут и пронизывают друг друга» [7, 194].

Не случайно Ж.Т. Тощенко настаивает на учете фактора гражданственности. По мнению последнего жизненный мир россиян распространяется далеко за границы обыденности, он вбирает в себя и то, что составляет общекультурную проблематику. «Конечно, - делает оговорку указанный автор, - эти проблемы в неодинаковой степени волнуют людей – социальные группы по-разному включены в мировой и страновой контекст. Но даже те, кто дистанцируется от интереса к внешне-и внутривнутриполитическим проблемам, не могут не реагировать на процессы, происходящие в глобальном или региональном масштабе» [4, 12].

Другой особенностью ментальности россиянина можно назвать его повышенную антиципативную чувствительность, то есть, «чувствительность к будущему». Интерес к будущему в отечественной культурной традиции не может быть редуцировано к простому любопытству. Это подтверждается особым вниманием к разного рода «пророчествам», чье содержание трансцендировалось, не подпадая под воздействие *ratio*.

Существует немало примеров того, что массовое восприятие будущего в России происходит в модусе утопии. Утопическая палитра, как об этом свидетельствует наш исторический опыт, также достаточно велика. Утопический конструкт может быть представлен как «чистой» мифологемой, так и располагать атрибутами наукообразия. Примером последнего может служить коммунистическая утопия, обоснованием которой на протяжении десятилетий занималась вся институциональная система отечественного социально-гуманитарного познания. Впрочем, парадоксальным образом именно утопический идеал зачастую мотивировал продуктивную социальную активность, генерировал социальный оптимизм и даже оказывался объективированным в отдельных своих содержательных моментах. Это происходило потому что, как подчеркивал В.В. Ильин, «утопия черпает силы из действительности мысли, а не наличной действительности» [3, 179]. Тем не менее, как на массовом, так и на личностном уровнях, участие в реализации утопических проектов, как правило, имело негативные последствия, поскольку в конечном итоге любая утопическая программа деструктивна по определению.

Согласно позиции В.В. Ильина, ожидание наступления будущего в России традиционно сопряжено с высокой степенью эмоционального накала, выраженного в двух диаметрально противоположных формах социального настроения: кошмара и упования. «Кошмар – гнетущее, тягостное предвосхищение будущего. Упование – радостная, благоприятная надежда на осуществление ожидаемого» [3, 180]. Действительно, отечественная история знает немало примеров, доказательно подтвержденных соответствующими поведенческими моделями, когда подобная эмоциональная двойственность общественных настроений не только сопровождала смены социокультурных парадигм, обозначалась в преддверии эпохальных событий, но и достаточно часто выступала атрибутом общественного сознания.

Развивая тезис относительно противоречивости антиципативного сознания россиян, укажем еще на одну оппозицию, устойчиво присутствующую в структурах последнего. Это противоречие между упомянутом нами выше мессианством и изоляционизмом. Какие бы конкретные особенности не имела та или иная антиципативная модель, она неизбежно будет строиться на принципе самобытности перспектив российской цивилизации, полноценном сохранении ее культуры и форм общественной жизни. В этом смысле, массовые социальные ожидания принципиально антиглобалистичны. Очевидно, что среднестатистическому россиянину психологически комфортно оставаться носителем имеющейся у него социокультурной идентичности.

Сюда же мы относим и стремление экстраполировать наличное социальное status quo в будущее. В своем большинстве, россияне не хотели бы связывать перспективы своего существования с радикальной трансформацией настоящего. Можно констатировать присутствие в обществе известной фобии к любому радикальному реформаторству. Следствием этого является крайне болезненный опыт реформаторских практик, в полной мере проявленный в отечественной истории. В первую очередь сказанное касается тех реформ, которые иницируются государством, а не генерируются стихийным творчеством масс. «В России инициативы государства, - отмечает В.В. Ильин, - распространяются на обыденность, нарушают естественный самотек просточеловеческого существования. Здоровая инертность пролонгация жизни (святая и нерушимая) разлагивается, социальность ввергается в хаос, наступает тотальный кризис» [3, 189].

Впрочем, статичность мышления в России присуща не только массовому социальному актору, но и представителям экспертного сообщества. Подобный тип мышления у последних, Ю.Г. Волков определяет в качестве «презентистского», когда ученый мыслит будущее в модусе настоящего, причем такого настоящего, которое по определению лишено динамических характеристик, «темпорального динамизма» (Ю.Г. Волков) [1]. Презентистскому мышлению можно поставить в упрек редуционистское видение социальной перспективы, представляющее будущее исключительно как некий инвариант.

Общественное сознание опирается на деятельность достаточно сложных механизмов, задействованных в продуцировании картин будущего. Следует отметить разнонаправленную функциональность данных механизмов, что подтверждается разнородностью и противоречивостью антиципативной интенциональности. Сказанное, в частности, подтверждается фактом дихотомичности последних, колебаниями общественных ожиданий в диапазоне от «кошмара» к «упованию» (В.В. Ильин).

Диалектика перепадов антиципативных настроений на массовом уровне может быть объяснена существованием двух типов исторической памяти, которые мы предлагаем определять как «стратегическую» и «оперативную». К первому типу следует отнести глубинный мнемонический слой, являющийся местом локализации устойчивых ретроспективных смыслов и установок. Именно на этом уровне происходит максимальная концентрация негатива, которая, в конечном итоге, оборачивается возникновением пессимистических сценариев относительно будущего. В подтверждении этого можно сослаться на многочисленные примеры многовековой вражды и взаимного недоверия между народами, которые с точки зрения сегодняшнего дня лишены хоть какого-нибудь рационального начала.

В свою очередь «оперативная память», то есть память коммуницирующих между собой поколений, содержит в себе значительный заряд оптимизма по отношению к предстоящему событийному ряду.

Соответствующая особенность внутр поколенческой памяти объясняется тем, что ее контент формируется помимо всего прочего и за счет вытеснения негативной эмоциональности и отрицательной дискурсивности. Так, широко известна идеализация любым старшим поколением периода, связанного с его молодостью, которая воспринимается исключительно как некий лишенный проблем этап человеческой жизни. В этом смысле социум может быть уподоблен индивидууму, склонному быстро забывать о плохом и помнить только хорошее.

Кроме того, поверхностный характер «оперативной памяти» определяется законом «о естественном процессе «угасания» эмоциональной памяти свидетелей эпохи, а с ним – об утрате «многоцветия» информационного поля для потомков» [6, 151]. Благодаря этому «угасанию» происходит мифологизация относительно близкой ретроспективы, которая обретает черты нормативности, экстраполируемые в будущее в качестве искомой модели общественной жизни.

При этом важнейшим атрибутом нормативности становится рациональность. В массовом сознании рациональность прошлого противопоставляется иррационализму будущего. Последнее не просто ноуменально, оно иррационально и потому опасно. Апеллировать к разуму в отношении будущего бесполезно, поскольку там перестают действовать какие-нибудь конвенции и просматриваться любые закономерности. Наше утверждение находит свое подтверждение в результатах одного из качественных социологических исследований, выявивших своеобразную «ностальгию по рациональности». «Раньше люди жили лучше, - заявляет интервьюируемый, - в том плане, что у них была уверенность в завтрашнем дне. Можно было загадать на год, а то и на два, чего сейчас делать нельзя» [5, 36].

Сознание российского общества на всех этапах существования последнего обнаруживало себя в качестве этатистского. Соответственно, никакая картина будущего не была возможна без представлений относительно статуса и роли государства в этом будущем. У всякого, кто проявлял озабоченность своими жизненными перспективами, неизбежно возникал ряд вопросов, тематизирующих этатистскую проблематику.

Один из вопросов, как правило, касается международного статуса государства, его влияния во внешнем мире. Как замечает Д.В. Трубицын: «Престиж могущества государства на внешней арене влияет на легитимность его правителей во внутренней политике» [5, 36]. Для исторической памяти россиян осознание наличия внешней угрозы переживается особенно болезненно. Очевидно, что перед лицом внешних вызовов разработка долгосрочных жизненных стратегий либо оказывается невозможной, либо приобретает специфические черты, обретает алармистскую тональность.

Другой вопрос связан с оценкой социальным актором внутр политического потенциала государственной системы. Дело в том, что российский этатизм, помимо того, что уже отмечено выше, состоит и в очевидном стремлении наших соотечественников делегировать заботу о себе

государству и его структурам. С этой точки зрения, коллективное сознание россиян является патерналистским сознанием. На протяжении всей отечественной истории наибольший рост протестных настроений всегда происходил в связи отказом государства от закрепленных за ним социальных обязательств. Таким образом, вполне естественно, что большинство задается вопросом о том, каков характер той поддержки, которое ему будет оказывать государство в будущем. Любые сомнения по этому поводу ведут к росту индивидуального сознания социального актора, его отчуждению от официальных структур и практик, а также к попытке построения автономных коммуникативных систем. Он оказывается в эпицентре двух противостоящих друг другу трендов. С одной стороны происходит атомизация личности, а с другой, обретение последней новых социальных качеств и компетенций. Тем самым, осуществляется переход актора из этатистски фундированного социокультурного пространства в поле неформального социального действия, где первый обретает всю полноту личной ответственности и инициативы.

Еще один важный вопрос этатистского перечня – это вопрос доверия властным элитам. Значимость качества элит для построения долгосрочных планов, вполне естественная в любом обществе, обретает для российского менталитета особое звучание. Последнее может быть объяснено длительной традицией сакрализации государственной власти, отголоски которой, разумеется, в модифицированной версии, сохранились и по сей день.

Российский социум традиционно весьма чувствителен к тем месседжам, которые посылают ему правящие элиты. Им накоплен богатейший опыт интерпретации деятельности властных структур, а также достигнута высокая скорость реакции на эти действия. При этом следует подчеркнуть, что та или иная оценка власти со стороны общества неизменно находила свое отражение в моделях социального поведения. Стихийно сформировалась своеобразная шкала оценок функционирования власти, верхние ступени которой занимали такие качества последней как сила, строгость и следование установленному порядку. Любые попытки отступления от указанных ориентиров воспринимались как недопустимые проявления слабости и зачастую приводили к делегитимации власти и потере ей своего морального авторитета. Стоит прислушаться к тому, что по этому поводу говорит Д.В. Трубицын: «Конечно, нельзя не считаться с тем, что сознание сверхдержавы, коей был Советский Союз, явилось мощным цементирующим фактором для национальных окраин: они были приобщены к великой державе, и ее ослабление и капитуляция перед врагом стала фактором разочарования и начала поиска своей судьбы» [5, 40]. На слабую власть также невозможно рассчитывать в будущем, как и на ту, что официально заявила об отказе от принципов патернализма.

Куда меньшую степень чувствительности при осуществлении личного перспективного планирования, наши соотечественники демонстрируют в отношении понимания возможностей новых технологических и, как следствие, социальных трендов. Переход от социалистической модели

экономики к свободным рыночным отношениям показал всю трудность протекания данного процесса, что во многом объясняется косностью массового сознания и преобладанием стереотипного мышления. Подавляющее число россиян, говоря языком обыденности, «не вписались в рынок». В 90-х годах прошлого столетия они не приняли должного участия в классообразующих процессах, благодаря чему мы до сих пор не имеем ни настоящего «среднего класса», ни массового сообщества предпринимателей, ни полноценного гражданского общества. По сути дела, старая социально-экономическая система самовоспроизвела себя в части сохранения сверхцентрализации, гипертрофированной роли государства и отсутствия «обратной связи» между обществом и его элитами. Таким образом, можно констатировать неразвитость креативного сознания в отечественном социуме, его неумение включать инновационный ресурс в разработку долгосрочных жизненных стратегий.

К сожалению, нам приходится констатировать усиление антисциентистских тенденций в общественной рефлексии россиян, соответствующим образом влияющих на их подходы к планированию собственного будущего. Прежде всего, это проявляется в отсутствии у последних должного уровня аналитического мышления, что, в частности, проявляется в некритическом переносе ими повседневного опыта настоящего не только в ближайшую, но и в отдаленную перспективу. По данным ВЦИОМ до трети россиян «ориентированы на обыденные представления, а не на научные факты» [2, 111].

Более того, даже антиципативная рефлексия, осуществляемая в рамках обыденного сознания, начинает восприниматься как некое прогрессивное явление на фоне массового возврата отечественного социума к донаучным формам вопрошания будущего. Согласно подсчетам, проведенным А.В. Юркевичем, в современной России активно действуют порядка 800 тысяч представителей эзотерического знания, занятых, помимо прочего и предсказательной практикой [8, 94].

Очевидно, что анализ антиципативного контента глубинных структур массового сознания должен быть существенно расширен за счет обращения к самым широким проявлениям соответствующей интенциональности, способным обеспечить если не прямое, то косвенное информирование по интересующей нас проблеме. Так, например, самые разные социологические исследования выявляют в обществе запрос на социальную справедливость. Казалось бы, данная информация не имеет непосредственного отношения к теме настоящей статьи. Однако на самом деле эти наблюдения предельно информативны. Они указывают, пусть даже и косвенно, на то, что массовый актер рассчитывает на стандартную, универсальную для всех социальную перспективу, где он не надеется иметь особых предпочтений, выделяющих его среди окружающих.

Литература:

1. Волков Ю.Г. *Социология будущего: социологическое знание и социальный проект.* – М.: Кнорус, 2017. – С. 178.

2. Зарубина Н.Н. Доверие к науке в современной России в контекстах множественности форм знаний // Социс. - №5. – 2018. – С. 110 – 121.
3. Ильин В.В. Мир глобо: вариант России. – Калуга: Полиграф-информ, 2007. – С. 252.
4. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социс. - №1. – 2016. – С. 6 – 17.
5. Трубицын Д.В. Макроистория: критика социологии большой длительности // Социс. - № 2. – 2018. – С. 35 – 45.
6. Широкалова Г.С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социс. - № 5. – 2018. – С. 145 – 154.
7. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000. – С. 448.
8. Юревич А.В. Экономика эзотерических знаний // В защиту науки. - №8. – С. 90–97.

Literature:

1. Volkov G. *Sociology of the future: sociological knowledge and social project*. - Moscow: KnoRus, 2017. - P. 178.
2. Zarubina N. N. *Trust in science in modern Russia in the context of multiple forms of knowledge* // Socis. - №5. - 2018. – P. 110 – 121.
3. Ilyin V. V. *Globo World: Russia*. - Kaluga: polygraph-inform, 2007. - P. 252.
4. Toschenko Zh. T. *the world of Life and its meanings* // Socis. - №1. - 2016. – S. 6 – 17.
5. Trubitsyn D. V. *the macro-story: the criticism of sociology of the long duration* // Sotsis. - № 2. - 2018. – S. 35 – 45.
6. Shirokalova G. S. *communicative memory: the experience of studying family histories (based on the sociological workshop at the University)* // Socis. - № 5. - 2018. – P. 145 – 154.
7. Shubart V. *Europe and the soul of the East*. - Moscow: Russian idea, 2000. – P. 448.
8. Yurevich A.V. *Economics of esoteric knowledge / / in defense of science*. - № 8. - P. 90-97.